

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ (ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВООТВОРЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

А. В. НАУМОВ,
лауреат Национальной премии
по литературе в области права,
Всероссийский
государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России),
профессор, д.ю.н.

Известно, что субъектом преступления по уголовному законодательству как Российской Федерации, так и Республики Казахстан признается только физическое лицо. Во многих же странах им может быть и юридическое лицо (корпорация). Вначале (в конце XIX века) это произошло в США в рамках системы общего права. Однако к настоящему времени такой институт стал обычным и для большинства стран континентальной Европы. Он также стал принадлежностью и уголовного права стран, относящихся к другим системам (семья) права. Проблема обсуждается и в доктрине уголовного права Российской Федерации и Республики Казахстан.

Ключевые слова: уголовный закон, преступление, уголовная ответственность, наказание, юридическое лицо (корпорация), законопроект, системы (семьи) уголовного права, общее право, европейское континентальное право, социалистическое право, мусульманское право.

Известно, что субъектом преступления по российскому уголовному праву (как и по УК Республики Казахстан) признается только *физическое* лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие) и способное нести за него уголовную ответственность. Это вытекает из ряда статей УК РФ. Так, в ст. 11-13 УК РФ говорится о том, что субъектами преступления и уголовной ответственности могут быть граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства. Ограничение круга возможных субъектов преступления физическими лицами означает, что субъектами преступления не могут быть юридические лица, т.е. предприятия, учреждения, организации, партии. Этот вопрос решен на законодательном уровне (в УК РФ) традиционно для отечественного уголовного права. Однако в теоретическом плане проблема ответственности юридических лиц в уголовном праве остается дискуссионной.

Дело в том, что с течением времени развитие научно-технического и социального прогресса заставляет нас отказываться от многих привычных представлений. По этой же причине перед нами нередко возникают неожиданные вопросы, отвечать на которые хотя и крайне трудно, но необходимо. В сфере уголовного права один из таких сложных вопросов – уголовная ответственность юридических лиц. Как было отмечено, классическим принципом уголовного права является принцип

личной ответственности виновного, т.е. ответственности лишь вменяемого, достигшего определенного возраста физического лица, совершившего запрещенное уголовным законом преступное деяние. Этот принцип, бесспорно, является одним из самых важных завоеваний человечества на его пути к цивилизации, прогрессу и демократии. Провозглашен он был еще в конце XVIII в. в ходе Великой французской революции. Данный принцип вытеснил существовавшее до этого общее представление об уголовной ответственности как ответственности не только за виновное совершение преступления, но и за причинение любых опасных и вредных последствий, сложившееся в феодальную эпоху. Последние же могли быть причинены и невменяемыми, и животными, и даже неживыми предметами (известно, например, что в России в 1553 г. был осужден за государственное преступление церковный колокол, «призывавший» народ к восстанию в Угличе; мятежный колокол был наказан кнутом и сослан в Сибирь). В рамки такого понимания уголовной ответственности органически вписывалась и ответственность юридических лиц (например, во Франции в XVII в. предусматривались уголовные наказания за преступления, совершенные корпорациями и общинами).

Тем не менее в более поздние времена ответственность юридических лиц была восстановлена, например, в американском уголовном праве. Вначале (на стыке XIX и XX вв.) это было сделано в сфере хозяйственного уголовного права для борьбы с преступной деятельностью синдикатов и трестов. Разумеется, в этом случае соответствующая корпорация, признаваемая виновной, не лишалась свободы, а приговаривалась к штрафу. Позднее в уголовном законодательстве США была предусмотрена уголовная ответственность общественных организаций, также наказываемых в рамках уголовного процесса. Советская правовая доктрина беспартийно квалифицировала такие уголовно-правовые установления как антидемократические, вызванные кризисом буржуазной законности. Однако в этот идеологический спор вмешались экологические проблемы, серьезно воспринятые в нашей стране лишь после Чернобыля.

Запад (особенно Европа) опережал нас как в понимании экологической проблемы в целом, так и в способах правового реагирования на нее. Уголовно-правовые санкции, применяемые за эти преступления, призваны были сделать экономически невыгодным занятие экологически вредной производственной или иной деятельностью для всех работников соответствующего предприятия, а не только для его хозяина и управленческого персонала. Штрафные санкции, применяемые к юридическим лицам, были способны реализовать эту идею, а штрафы, применяемые к физическим лицам, – нет (в силу хотя бы их существенного различия в размерах). Европейские страны задумались над этим еще в 1970-х гг. Так, в 1978 г. Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Эта рекомендация уже реализована в законодательстве ряда европейских стран (например, Англии и Франции). Такая же рекомендация содержится и в решениях периодически проводимых Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (в том числе и Каирского 1996 г.).

Следует отметить, что на эти рекомендации откликнулось наше административное

право. Еще в соответствии с Законом РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды»¹ такие административно-правовые санкции, как штрафы, могли налагаться не только на должностных лиц и отдельных граждан, но и непосредственно на предприятия и организации, *виновные* в совершении экологических правонарушений. В части 2 ст. 2 КоАП РФ² юридическое лицо также признается виновным в совершении административного правонарушения. Уголовное же право по этому поводу пока молчит.

В чем мог бы состоять положительный эффект реализации европейских рекомендаций? Скептики обычно говорят, что можно установить предельно высокие штрафы в отношении конкретных виновников экологического преступления. Однако естественно, что возможность их выплаты у физических и юридических лиц сильно отличается. Часто «штрафную» проблему предлагают решить в рамках административного права, устанавливая в соответствующих нормах сколь угодно большие по размеру штрафы. Однако очевидно, что административно наказуемое экологическое правонарушение не может быть уравнено по степени общественной опасности, а проще говоря, по степени тяжести возможных или уже наступивших последствий с экологическим преступлением. Доводом против предлагаемого решения является и то, что в настоящее время специально уполномоченные органы в области охраны природы могут принять решение об ограничении или приостановлении деятельности предприятий и иных объектов, если их деятельность является экологически вредной (например, с превышением лимитов выбросов и сбросов загрязняющих веществ). Но почему же такая санкция не может быть применена судом в рамках уголовного процесса? Уж если мы говорим о законности, о правовых началах борьбы с экологическими преступлениями, то уровень законности в уголовном процессе на несколько порядков выше, чем в административном. Следует учитывать и возможность возмещения ущерба, причиненного окружающей среде, в порядке гражданского иска в рамках уголовного процесса. И в этом случае права потерпевших от экологического преступления (человек, общество и природа) будут куда надежнее защищены, чем при другой форме судебного или иного производства.

Что толку от того, что в результате чернобыльской трагедии несколько конкретных ее виновников были осуждены к длительным срокам лишения свободы? Что проку было бы в том, если бы мы успели препроводить в места не столь отдаленные двух-трех руководителей бывшего Минводхоза СССР за то, что строительство так называемых оросительных каналов привело к засолению десятков тысяч гектаров пахотной земли? А вот если бы за преступные опыты по переделыванию природы в рамках уголовного процесса была бы установлена вина организации (Минводхоза СССР как такового) и ее деятельность по приговору суда была бы приостановлена, а сама организация распущена, или запрещена (может быть, вместе с соответствующими проектными институтами, разрабатывавшими свои преступные в экологическом смысле проекты), проку было бы куда больше.

Конечно, поднятый здесь вопрос касается не только экологических преступлений.

¹Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. Ст. 457 (утратил силу).

²В части 2 ст. 2 КоАП РФ

Рынок и рыночные отношения едва ли не неизбежно приведут нас и к установлению уголовной ответственности корпораций за хозяйственно-экономические преступления. Возвращаясь же к проблеме уголовной ответственности юридических лиц в целом, зададимся вопросами: как же быть с классическими принципами уголовного права? Неужели придется поступиться ими? Переоценить и отказаться от них? Делать этого не следует. Ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности и дополнять его.³

В теории уголовного права (на пространстве Союза ССР) предложения о возможности признания юридического лица субъектом преступления стали всерьез обсуждаться с 1991 г.⁴ Положительно этот вопрос был решен и в обоих предварительных проектах уголовного кодекса, положенных в основу нового УК РФ (1996 г.). Однако при обсуждении и голосовании согласованного проекта в первом чтении в Государственной Думе данное предложение не прошло, и УК РФ в этом отношении остался на прежних позициях.

Обсуждение данной проблемы в юридической (в особенности уголовно-правовой) науке свидетельствует, что научное сообщество по вопросу о необходимости или, напротив, ненужности реализации такой концепции разделилось примерно на две равные части. Одни – за ее воплощение в закон, другие – категорически против этого. Напомним лишь, что проблема эта уже давно «стучится» в двери российского уголовного законодательства сугубо практически – в рамках правотворческого процесса. Во-первых, как уже отмечалось, такая ответственность была «прописана» в обоих официальных проектах нынешнего УК РФ, поступивших в середине 90-х гг. в Государственную Думу Российской Федерации, из «соединения» которых и получился действующий Уголовный кодекс.⁵ И нормы об уголовной ответственности юридических лиц «потерялись» лишь на последнем этапе принятия Кодекса. Во-вторых, уже в последнее время (в 2011 г.) в Государственной Думе официально обсуждался проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием противодействия преступлениям, совершаемым от имени и в интересах юридических лиц» (представленный депутатами Думы А.В. Скочем и О.В. Лебедевым). Примерно в то же время Следственный комитет Российской Федерации подготовил проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные

³См. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2011; Он же. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 633-637.

⁴См.: Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 35; Он же. Предприятие на скамье подсудимых // СЮ. 1992. № 17, 18. С. 3; Джекебаев У.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук, 1993, № 4; Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи / Под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. М., 1994. С. 50-60; Никифоров А.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. С. 43-49.

⁵См., например: Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России // Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. М., 1993, С. 297-301. Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть). Проект. М., 1994. С. 56-57.

акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», в котором предлагалось дополнить раздел VI УК РФ главой 15⁶ «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», включающей 12 новых статей, регулирующих рассматриваемый институт. Наконец, уже в марте 2015 г. в Думу депутатом А.А. Ремезковым был внесен законопроект (№750443-б) Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности юридических лиц». В данной работе, будет дана оценка этим законопроектам, однако, главное, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что обсуждаемый вопрос перестал быть сугубо теоретическим, а достаточно твердо «встал» на почву практического нормотворчества.

Противники концепции апеллируют к тому, что идея уголовной ответственности юридических лиц – это «детище» системы общего права (англо-саксонского) и является, якобы, чужеродным для европейского континентального права (романо-германского), в «семью» которого в постсоветское время вернулась и Россия. Действительно, исторически такая ответственность была установлена в американском уголовном праве. Вначале (в конце 80-х гг. XIX века) это было сделано в сфере хозяйственного уголовного права в рамках антитрестовского законодательства (например, известные законы Шермана) в качестве мощного инструмента в борьбе с монополизмом как главным врагом рыночной экономики. Антитрестовские законы под страхом уголовной ответственности запрещали любое ограничение конкуренции в торговой или промышленной сфере. Они в связи с установлением громадных по размеру денежных штрафов делали экономически невыгодным для корпорации нарушение соответствующих запретов, и этот опыт был воспринят в других странах, относящихся к системе общего права.

Но это было лишь *начало*. В конце 70-х гг. уже XX века этот институт стал принадлежностью и многих (если не большинства) стран, уголовное законодательство которых относится к романо-германскому или европейскому континентальному праву. Как уже отмечалось, в 1978 г. Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной

---

⁶Позиция именно французского законодателя нанесла наиболее сильный удар по противникам привнесения рассматриваемого института в европейское континентальное право. Когда, еще в советские времена, на страницах журнала «Советское государство и право» (1991, № 2) в своей статье «Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике» автор поставил вопрос о возможности внесения норм об уголовной ответственности юридических лиц в советское уголовное законодательство (в связи с объявленным тогда переходом к рынку, пусть и социалистическому), главным аргументом критиков такого предложения было следующий довод. «Вы посягаете на самое святое» – на принцип индивидуальной ответственности, провозглашенный еще французским Уголовным кодексом 1810 г. Но вот наступил 1992 г. и Франция приняла новый Уголовный кодекс, в котором был четко выражен отказ от одного из принципов европейского континентального права – уголовной ответственности только физических лиц. Впервые была предусмотрена возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, в связи с чем сконструировано и применение к ним соответствующих санкций.

ответственности за экологические преступления. Также эти рекомендации содержатся и в решениях периодически проводимых Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. В настоящее время эти рекомендации восприняли такие страны европейского континентального права, как например: Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Голландия, Грузия, Дания, Исландия, Литва, Люксембург, Македония, Молдова, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Швейцария. Следует отметить, что данный институт воспринят также КНР (как социалистической страной с рыночной экономикой), рядом мусульманских стран (например, Албания, Иордания, Ливан, Сирия), а также Израилем (с его «смешанной» системой уголовного права).

Таким образом этот институт можно назвать универсальным и не зависящим от особенностей государственно-политического устройства той либо другой страны. Назрел этот вопрос и для Российской Федерации. Правонарушения, совершаемые корпорациями, не всегда укладываются в рамки административных или гражданско-правовых деликтов и в ряде случаев существующая административная и гражданско-правовая ответственность оказывается в борьбе с ними неэффективной (судьба Байкала – наглядный тому пример). Положительное решение этой проблемы безусловно окажет благотворное воздействие на развитие экономики страны. Вместе с тем эта проблема не ограничивается вопросами противодействия экономической преступности. Ее решение будет способствовать предупреждению вреда многим объектам уголовно-правовой охраны (жизни и здоровья граждан, экологической и общественной безопасности, здоровью населения).

Противники рассматриваемой концепции считают, что проблема является надуманной и что все возможные санкции в отношении юридического лица (денежные штрафы, приостановление деятельности юридического лица или даже запрет на нее) вписываются в административное право, которое такую ответственность уже предусматривает. С этим, однако, трудно согласиться. Никуда не деться от отраслевого «уровня» денежных штрафов. Есть уголовно-правовой и есть административно-правовой. Известно, что штраф, присуждаемый американскими судами к уплате корпорациями может исчисляться миллионами и даже миллиардами долларов. Например, в США в рамках уголовной ответственности юридических лиц известная корпорация Siemens была присуждена к штрафу в размере около 2 миллиардов долларов США (!). Разумеется, что штрафы такого размера «не вписываются» в административное право. Можно ли представить себе такие штрафы, например, в КоАП РФ? Но дело даже не в этом. Главное – в другом – в уровне законности судебных и иных юридических процедур в административном и уголовном процессе. И это касается не только экономических и экологических преступлений. В советские времена институт уголовной ответственности юридических лиц однозначно оценивался как антидемократический в связи с такими известными процессами в США как, например, связанных с деятельностью профсоюзов, с запретом компартии. Однако рассмотрение этих вопросов в рамках состязательного уголовного процесса с участием в нем защиты представляется, по крайней мере, не менее демократичным, чем решение тех же вопросов в рамках процесса административного (гарантии прав подсудимых уж сильно разнятся).

Вместе с тем, следует отметить, что надуманные доводы, можно отыскать и среди сторонников концепции уголовной ответственности юридических лиц. Так, по нашему мнению, не выдерживает критики *обоснование* проблемы, выраженное в Пояснительной записки названного выше депутатского проекта Федерального закона Российской Федерации (представленного депутатами А.В. Скочем и О.В. Лебедевым). Так, является некорректной ссылка на то, что Российская Федерация, ратифицировавшая Конвенцию ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., будто бы не выполняет свои, насчет этого, обязательства. Дело в том, что данная Конвенция в части возможной ответственности юридических лиц носит *рекомендательный*, а именно, – *альтернативный* на счет *форм* правовой ответственности характер. Так, ч.2 ст. 26 Конвенции предписывает: «При условии соблюдения правовых принципов государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной». Следует отметить, что в Федеральном законе Российской Федерации от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» отсутствует обязательство Российской Федерации предусмотреть в своем национальном законодательстве (уголовном) именно *уголовную* ответственность юридических лиц.

В принципе, то же самое вытекает и из Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы (Страсбург) от 27 января 1999 г. (ст. 18 Конвенции).

В Пояснительной же записке к тому же законопроекту обоснование проблемы связывается со ст. 14 Федерального закона от 27 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» («Ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения»). Однако и в нем *ничего* не говорится об уголовной ответственности юридических лиц (такая задача даже не ставилась) и проблема решается в соответствии с указанными международными Конвенциями.

Вызывает сомнение финансово-экономическое обоснование рассматриваемого законопроекта, в соответствии с которым принятие данного Федерального закона не предусматривает расходы, покрываемые за счет федерального бюджета. Речь, разумеется, должна идти не о расходах, связанных с прохождением законопроекта в Государственной Думе, Совете Федерации и его опубликованием. Речь идет о *новых судебных процедурах*, о достаточно большой предстоящей дополнительной нагрузке хотя бы на судейский корпус. Сюда же следует отнести и расходы, связанные с новыми процессуальными формами дознания (включая и проведение оперативно-розыскных мероприятий) и расследования уголовных дел о преступлениях, совершаемых юридическими лицами. Все это не может не увеличить расходы, покрываемые за счет федерального бюджета.

Крайне неудачным, по нашему мнению, является редакция (формулировка) самой основной статьи законопроекта – ст. 1. Во-первых, в плане криминализации уравниваются совершение юридическим лицом преступления и совершение деяния, создающего условия для совершения преступления. И если первое является вполне допустимым, то второе не вписывается в «рамки» уголовного закона и уголовной ответственности. Во-вторых, там же достаточно «легковесно» формулируется вопрос о виновности юридического лица в совершении преступления: а) на основании виновности физического лица и б) с учетом мер по профилактике преступлений, предпринятых юридическим лицом. Таким образом можно считать, что в целом

ст. 1 законопроекта не выполняет свою задачу. Ее формулировка не «выдерживает» критики даже в «первом приближении».

Достаточно уязвимой является содержание (текст) ст. 4 и 5 законопроекта. В ст. 4 (как и в ст. 1) не удалось установить специфику ответственности юридического лица, отделив ее от ответственности физического лица. Разумеется, что первая ответственность связана со второй, но не так, как это прописано в законопроекте («...совершенные в интересах юридического лица любым физическим лицом, действующим в своем физическом качестве...»).

Статья 5 об освобождении юридического лица от уголовной ответственности также не имеет смысла. Что толку в том, что юридическое лицо «систематически осуществляло внутрикорпоративную профилактику совершения преступления», если преступление было все же совершено? Это положение противоречит нормам Общей и Особенной частей УК Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности в связи с позитивным постпреступным поведением.

Самым трудным в решении проблемы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности юридических лиц является вопрос об уголовно-правовой вине корпораций (коллективов). Сторонники концепции (как в теории, так и в практике правотворческого процесса) обычно склоняются к «психологическому (субъективному) подходу к определению вины юридического лица. Соответственно, вину юридического лица в совершении преступления предлагается определять (в зависимости от вины физических лиц, осуществляющих в нем функции управления)». Представляется, что авторы такой идеи идут в этом отношении по «легкому» пути, распространив традиционное понимание вины в уголовном праве на корпоративное (коллективное) преступление. На наш же взгляд, это традиционное психологическое понимание вины (по УК РФ как умысла и неосторожности) было создано в уголовном праве *исключительно* в отношении уголовной ответственности *физических* лиц, а исторически еще до того, как корпоративная (коллективная) уголовная ответственность была «прописана» в уголовном законе (уголовном праве). Последнее же, то есть корпоративная (коллективная) уголовная ответственность, является принципиально (качественно) отличной от уголовной ответственности физических лиц и требует также принципиально нового подхода к решению проблемы в уголовном законе (уголовном праве). В связи с этим, не может быть, например, коллективной (корпоративной) небрежности или такого же легкомыслия. Заслуживает поэтому внимания уголовное законодательство тех стран, которые не расшифровывают содержания вины юридических лиц (например, УК Франции, УК штата Нью-Йорк).

Следует отметить, что попытка при решении данной проблемы отойти от психологического понимания вины в определенной степени достаточно успешно была сделана в Уголовном кодексе Республики Молдова. Так, в ст. 21 УК Республики Молдова субъектом преступления и уголовной ответственности признаются не только физическое, но и *юридическое* лицо. В ч. 3 этой статьи определяется, что «Юридическое лицо, за исключением органов публичной власти, привлекается к уголовной ответственности за деяние, предусмотренное уголовным законом, при наличии одного из следующих условий:

а) юридическое лицо виновно в невыполнении или ненадлежащем выполнении

прямых предписаний закона, устанавливающих обязанности или запреты относительно осуществления определенной деятельности;

б) юридическое лицо виновно в осуществлении деятельности, несоответствующей предусмотренной в учредительных документах или заявленным целям;

с) деяние, причиняющее или создающее реальную опасность причинения ущерба в значительных размерах личности, обществу или государству, было совершено в интересах этого юридического лица или было допущено, санкционировано, утверждено, использовано органом или иным лицом, наделенным функциями руководства данным юридическим лицом». В ч. 4 решен вопрос о наказаниях для юридического лица: «Юридические лица, за исключением органов публичной власти, несут уголовную ответственность за преступления, за совершение которых предусмотрено наказание для юридических лиц в Особенной части настоящего кодекса», а в ч. 5 (той же ст. 21) уточняется, что «Уголовная ответственность юридического лица не исключает ответственность физического лица за совершенное преступление». Представляется, что с точки зрения законодательной техники опыт молдавского законодателя заслуживает пристального внимания (по крайней мере, он лишен некоторых недостатков подобных законопроектов, обсуждавшихся в Государственной Думе РФ, например, уже указанной «привязки» вины юридического лица к умыслу и неосторожности как ее психологическому содержанию).

Значительно более серьезным в законодательно-практическом плане является названный проект Федерального закона об уголовной ответственности, представленный Следственным комитетом Российской Федерации. Во-первых, заслуживает внимания то место в Уголовном кодексе, которое определяется законодательством для «прописки» этого уголовно-правового института в УК РФ. Им в соответствии с действующей структурой Кодекса определяется его раздел VI («Иные меры уголовно-правового характера»), дополненный главой 15 о мерах уголовного характера в отношении юридических лиц. В ней предусматриваются статьи: 104 («Основания и условия применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера»), 104 («Юридические лица, в отношении которых могут быть применены меры уголовно-правового характера»), 104 («Освобождение юридического лица от мер уголовно-правового характера»), 104 («Виды мер уголовно-правового характера»), 104 («Общие условия назначения и исполнения мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц»), ст. 104-104 (конкретизирующие эти меры), 104 («Судимость юридического лица»). Законопроект также предусматривает и целый ряд изменений, необходимых для внесения в УПК РФ и отражающих специфику применения института уголовной ответственности юридических лиц. В Пояснительной записке к Законопроекту обосновываются как социальная обусловленность внесения в УК и в УПК РФ соответствующих изменений, так и их необходимость для обеспечения, например, экономической безопасности государства. «В последние годы значительно возросло количество преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц. Масштаб этого явления позволяет утверждать, что в России сформировался новый вид преступности – преступность юридических лиц (зарубежный аналог данного термина – «преступность корпораций» или «корпоративная преступность»). Этот вид преступности представляет реальную угрозу экономической безопасности

государства, а также интересам добросовестных участников экономического оборота. В частности, он оказывает негативное влияние на инвестиционную привлекательность России (существенно повышает инвестиционные риски, связанные с незащищенностью российских финансовых инструментов от преступных посягательств), что обуславливает отток из страны капитала. Преступность юридических лиц дестабилизирует фундаментальные основы экономики, что опосредованно способствует спаду основных экономических показателей, в том числе росту инфляции, снижению производства, уходу капитала в теневой сектор экономики... Если же в ходе отмыывания незаконно приобретенного имущества наряду с российскими использовались и фиктивные юридические лица, зарегистрированные в иностранных, особенно оффшорных, юрисдикциях, добиться защиты нарушенных преступлением прав на имущество практически невозможно. Судебные органы иностранных государств, основываясь на положениях международного права, инкорпорированных в свое национальное законодательство, как правило, требуют решения российских судов о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц, выступавших контрагентами в цепочке таких фиктивных сделок с имуществом потерпевшего». В Пояснительной записке убедительно приводятся доводы и в отношении того, что введение в УК РФ института уголовной ответственности юридических лиц будет способствовать повышению эффективности борьбы с коррупционными, террористическими преступлениями и организованной преступностью. В целом он представляет достаточно серьезную основу для разработки будущего Федерального закона об уголовной ответственности юридических лиц.

Самого серьезного внимания заслуживает и упомянутый законопроект об установлении уголовной ответственности юридических лиц, вносимый депутатом А.А. Ремезковым. Концептуально он близок законопроекту Следственного комитета, но по ряду позиций он является более проработанным (в особенности по своей законодательной технике) по «тонкостям» внедрения новых уголовно-правовых норм в «старую ткань» Уголовного кодекса, в установление их межотраслевых связей в системе отечественного законодательства в целом. Достаточно сказать, что проект предусматривает дополнения УК РФ более тридцатью новыми статьями. В числе них статьи: об общих условиях ответственности и наказания юридических лиц; о юридических лицах, подлежащих уголовной ответственности; о вине юридического лица, подлежащего уголовной ответственности; о невиновном причинении вреда юридическим лицом; о категориях преступлений, совершаемых юридическими лицами; об особенностях освобождения юридического лица от уголовной ответственности; о соучастии юридического лица в преступлении; о видах наказаний, назначаемых юридическим лицам; об обстоятельствах, учитываемых судом при назначении наказания юридическому лицу; об ограничениях и запретах, связанных с уголовной ответственностью юридического лица; об особенности погашения судимости юридического лица. Кроме того, законопроект вносит изменения в целый ряд статей УК РФ, в том числе связанных с финансированием преступной деятельности (террористической, преступлений против общественной безопасности, совершении экстремистских преступлений и др.), в УИК РФ, в УПК РФ, в КоАП РФ.

Заслуживают внимания и многие доводы последнего законопроекта, отмеченные в его Пояснительной записке, особенно о применимости новых правовых норм в борьбе с распространенными преступлениями, представляющими опасность для экономической безопасности Российской Федерации. Справедливо утверждается, что, например, введение института уголовной ответственности юридических лиц позволит более эффективно противодействовать использованию в преступной деятельности фиктивных организаций, компаний («прокладок» и др.). «Осуществление экономической деятельности подобного рода организаций способствует переходу наличных финансовых средств в теневые структуры, криминализации экономики, влечет за собой отток капитала из страны и снижает ее инвестиционную привлекательность». Наличие в законодательстве норм об уголовной ответственности юридических лиц «создает правовое условие для экстерриториального уголовного преследования находящихся за рубежом международных организаций и должностных лиц за преступления, посягающие на интересы, охраняемые уголовным законодательством Российской Федерации». Напротив, «отсутствие такого правового инструмента исключает возможность репатриации нажитого на территории Российской Федерации преступного капитала, вывезенного за рубеж и состоящего на балансе иностранных организаций, так как в условиях действия принципа самодостаточной уголовной правосубъектности юридического лица для истребования этого имущества и передачи его потерпевшему либо конфискации необходимо решение суда, устанавливающего вину этой организации (а не физического лица) в транснациональном преступлении». Указывается, что «возможность доказывания в рамках административного производства по сравнению с уголовным судопроизводством весьма ограничена. В частности, по таким деяниям не могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия, без которых установить причастность юридического лица к преступной деятельности невозможно». Более «тонко» дается в Пояснительной записке и обоснование вины юридического лица. В этом документе указывается на то, что в уголовном законодательстве зарубежных стран существует две формы вины юридического лица:

« 1. Концепция вины субъективного толка (теория отождествления), когда вина юридического лица определяется виной физического лица, официально действовавшего от ее (организации) имени... Подобная норма включена в настоящее время в российское законодательство о налогах и сборах. Согласно ч. 4 ст. 110 НК РФ вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловило совершение данного налогового правонарушения.

2. Объективистское направление, заключающееся в том, что организация может быть виновна в том, что не обеспечила должный уровень корпоративного контроля за деятельностью членов своих органов управления и контроля и не приняла всех зависящих от нее мер по соблюдению запретов, нарушение которых влечет уголовную ответственность. В России подобная форма ... предусмотрена в законодательстве об административных правонарушениях. В соответствии с частью 2 ст. 2 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного

правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. В последнем случае наличие вины юридического лица обуславливается извлечением от совершенного правонарушения выгоды этого юридического лица».

Таким образом, можно сказать, что в данном законопроекте нарисован «абрис» решения самого трудного в плане законодательной техники вопроса об уголовно-правовой вине юридического лица и, что особенно важно, в «уходе» от психологической концепции вины, определенной в УК РФ применительно к вине физического лица как субъекта преступления и уголовной ответственности.

И, наконец, последнее. Законопроекты об установлении уголовной ответственности юридических лиц как никогда своевременны. Вопрос о реформе российского уголовного законодательства (УК РФ) не только созрел, но и перезрел. В доктрине до конца нерешенным остался лишь вопрос о предполагаемой форме такого реформирования (принятие нового УК или его новой редакции). Поэтому такие, достаточно проработанные в теоретическом и правотворческом плане, законопроекты (Следственного Комитета и депутата А.А. Ремезкова) являются серьезной основой для их доработки и принятия соответствующего Федерального закона.

А.В. Наумов: Занды тұлғалардың қылмыстық жауапкершілігі (доктриналық және құқықшығармашылық аспектілері).

Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасы бойынша қылмыс субъектісі ретінде жеке тұлға ғана болып танылады. Көптеген елдерде олар заңды тұлға (корпорация) да болуы мүмкін. Бастапқыда (XIX ғасырдың соңында) бұл жалпы құқықтық жүйе шеңберінде АҚШ-та болды.

Дегенмен, қазіргі уақытта мұндай институт Еуропа елдерінің көпшілігі үшін дәстүрге айналды. Ол сондай-ақ, басқа құқық жүйелеріне (отбасылық) қатысты елдердің қылмыстық құқықтарының бөлігі болды. Бұл мәселе сондай-ақ, Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының қылмыстық құқық доктринасында талқыланады.

Түйінді сөздер: қылмыстық заң, қылмыс, қылмыстық жауапкершілік, жазалау, заңды тұлға (корпорация), заң жобасы, қылмыстық құқықтың жүйелері (отбасылар), жалпы құқық, еуропалық континенталдық құқық, әлеуметтік құқық, мұсылмандық құқық.

A.V. Naumov: Criminal Liability of Legal Entities (Doctrinal and Legislative Aspects).

It is known that the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan recognizes only an individual as a subject of crime. In many countries, it may be a legal entity (Corporation). First (late XIX century) it happened in the United States under the common law system. By now, however, such an institution has become common for the most countries of continental Europe. It also became a part of criminal law of the

countries belonging to other systems (families) of law. The issue is also discussed in the doctrine of penal law of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Key words: criminal law, felony, criminal liability, punishment, legal entity (Corporation), bill, system (family) of criminal law, common law, European civil law, socialist law, Islamic law.

Библиография:

1. Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 35.
2. Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых // Советская юстиция. 1992. № 17, 18.
3. Джекебаев У.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук, 1993. № 4.
4. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи / Под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. М., 1994. С. 50–60.
5. Никифоров А.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи., С. 43–49.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть /– 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2011.
7. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 633-637.

References (transliterated):

1. Naumov A.V. Ugolovnyj zakon v usloviyah perekhoda k rynochnoj ehkonomike // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1991. № 2. S. 35.
2. Naumov A.V. Predpriyatie na skam'e podsudimyh // Sovetskaya yusticiya. 1992. № 17, 18.
3. Dzhekebaev U.S. Ob ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic // Izvestiya NAN Respubliki Kazahstan. Seriya obshchestvennyh nauk, 1993, № 4.
4. Kelina S.G. Otvetstvennost' yuridicheskikh lic v proekte novogo UK Rossijskoj Federacii // Ugolovnoe pravo: novye idei / Pod red. S.G.Kelinoj i A.V. Naumova. M., 1994. S. 50–60.
5. Nikiforov A.S. Ob ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic // Ugolovnoe pravo: novye idei., S. 43–49.
6. Naumov A.V. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Kurs lekciy: v 3 t. T. 1. Obschaya chast' /– 5-e izd., pererab. i dop. M. : Volters Kluver, 2011.
7. Naumov A.V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V 2 ch. CH. II. M.: Yurlitinform, 2014. s. 633-637.